

Этнополитическая ситуация в Средней Азии

Социализация и советизация жизни народов Средней Азии и Казахстана — процесс, изобилующий массой крупных специфических особенностей, новообразований, противоречий, механизмов развития, уникальных черт и характеристик. Проблемы эти в целом исследованы далеко еще не достаточно, зачастую однобоко. До сих пор сильна традиция старого «массовидного», абстрактного подхода к ним, страдающего уровнительностью и ложным историзмом. Венцом этого «диалектико-материалистического» подхода стала концепция прыжка народов из феодально-байских порядков к социализму. Отнюдь не парадоксом стало то, что, по крайней мере, в некоторых весьма существенных отношениях этот регион даже больше приблизился к социализму или врос в эту стадию, чем другие народы. Только социализм этот оказался не посткапиталистическим, а больше феодальным, располагающим к развитию традиционных докапиталистических отношений. Его глубинной основой выступают сложные переплетения (обычно тщательно маскируемые) семейно-родственных (клановых), государственных, партийных и религиозных организаций, экономики официальной и теневой. Естественно, что ничего подобного в теории не предполагалось.

В теории раздувались некоторые общие черты «строительства социализма» (а затем его «совершенствования») и «с легкостью необыкновенной» универсализировались; отклонения же от «всеобщего пути» по большей части маскировались под национальную специфику, которая при этом искажалась и преобразовалась иногда до неузнаваемости.

Ложные исторические и философские выводы, к сожалению, не остаются только достоянием «грызущей критики мышей». Тиражируемые в широких масштабах вездесущей пропагандистской машиной, они формируют ложные ориентиры в политике, национальных отношениях, в быту и т. д., способствуют формированию своего рода фантомов, ложного и двойственного сознания. В последнее время это получило проявление в следующем противоречии, которое, кажется, в такой форме и такой степени нигде больше не обнаружено. С одной стороны, массовость участия в референдуме о судьбе Союза и доля положительных ответов на вопрос, поставленный перед избирателями, превзошли данные о голосовании в других частях Союза: в Узбекистане приняли участие в голосовании 95% и сказали «да» Союзу 93,7%, в Казахстане, соответственно, — 89 и 94, в Кыргызстане — 93 и 94,5, в Таджикистане — 94 и 96, в Туркменистане — 97,7 и 98%. С другой стороны, именно в этом регионе отмечены крайне жесто-

Логашова Д. Б. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии АН СССР.

ченые, средневековые по своей жестокости, столкновения на национальной почве (например, связанные с изгнанием турок-месхетинцев, и др.).

Такие события, совершенно не предвиденные идеологами и политиками, средствами массовой информации, породившие немало растерянности на разных этажах власти, показывают, насколько далеки от реальности те идеологические клише и стереотипы, научные обобщения и рекомендации, которые «выдала на-гора» тьма диссертантов, ученых и экспертов. Этими «рекомендациями» и по сей день руководствуются в выработке и осуществлении практической политики «на местах».

Чтобы разобраться в этих непростых проблемах среднеазиатского региона, необходимо обрисовать хотя бы кратко некоторые характерные особенности сложившихся здесь, а также в Казахстане условий жизни.

I

Начать придется со статистики. По переписи населения 1989 г., в Казахстане насчитывается 16691 тыс. человек, из них казахи составляют 8136 тыс.; в Узбекистане — 20322 тыс. человек, из них узбеков 16 698 тыс.; в Таджикистане — 5248 тыс. человек (таджиков 4215 тыс.); в Кыргызстане из 4367 тыс. человек киргизов 2529 тыс.; в Туркменистане — 3622 тыс. человек (туркменов 2729 тыс.). При интенсивном росте населения распределено оно крайне неравномерно: на один квадратный километр может приходиться свыше 300 человек, как в Ферганской долине Узбекистана, и немногим более 7 человек, как в Туркмении. В настоящее время население Средней Азии составляет более 10% населения СССР, ежегодный прирост — треть общего прироста населения страны; пятая часть всех рождаемых в стране приходится на районы Средней Азии.

В демографической и экономической литературе уже стало привычным называть регионы Средней Азии и Казахстана «трудоемкими», «перенаселенными». Предлагается немало различных рецептов «лечения болезни»: ограничение рождаемости, планирование семьи, организованное переселение части населения в районы страны, где существует недостаток рабочей силы, и т. д. Однако такие рецепты, основываясь больше на идеологических постулатах, страдают удручающе слабой эффективностью: они плохо учитывают национальную специфику, религиозные представления, традиционные взгляды на семью, на само понимание «счастья» этими народами; игнорируют существующие до настоящего времени патриархально-родовые связи, многие историко-культурные традиции и реальности, определившие расселение народов именно в данной экологической нише; смешивают сохранившиеся в течение веков устойчивые элементы во взаимоотношениях народов, в их духовном менталитете с многообразными превращенными формами, в которых они нередко выступают.

Вопреки длившейся десятилетиями широкомасштабной пропагандистской шумихе о якобы неуклонно происходящем выравнивании экономического и культурного уровней народов как общей закономерности социализма, экономика восточно-азиатских республик, по существу, так и не вышла за рамки сырьевого прироста промышленности центральных регионов страны. (В последние годы дистанция между ними не уменьшалась, а росла.) Экономическое положение усугублялось быстрым ростом избытка рабочей силы в регионе, а взятые вместе — анахроническая, малоподвижная и однобокая (с хлопковым уклоном) экономическая структура и незанятость больших масс населения, особенно среди молодежи сел и поселков — резкотормозили развитие культуры и образования, создавали предпосылки формирования многочисленных напряжений и противоречий в социальных, национальных и бытовых отношениях, где все больше обозначались очаги подспудно вызревавших конфликтов.

Достаточно проследить, какие продукты и товары республики ввозят и какие вывозят, чтобы уяснить степень их зависимости от других регионов Союза и одновременно объяснить корни такого стереотипа массового сознания, поддерживаемого официальной пропагандой: республики Средней Азии и Казахстана могут успешно развиваться только благодаря дотациям из Центра. А такие дотации, естественно, может регулярно обеспечивать только традиционная административно-бюрократическая система, которая, собственно, загнала экономику на рельсы малоэффективного затратного развития с огромным удельным весом неквалифицированного тяжелого ручного труда. Так создаются ширящиеся, как от камня на воде, круга и в объективном развитии, и в массовом сознании.

В наиболее крупной по численности населения Узбекской республике основным традиционным предметом вывоза является хлопок-волокно — примерно 831,2 тыс. тонн в год. Непродовольственные товары ввозятся сюда на 4,2 млрд. руб., а вывозятся только на 1,2 млрд. рублей. Продуктов питания (без алкогольных напитков) ввозится на сумму 1,6 млрд. руб., а вывоз оценивается в 0,7 млрд. рублей. Казахстан также ввозит продуктов питания (без алкогольных напитков) на сумму 1,1 млрд. руб., а вывозит на 0,6 млрд. руб.; непродовольственные товары ввозятся на сумму 5,5 млрд. руб., а вывозятся только на 0,6 млрд. рублей.

Навязанная жестким хозяйственным централизмом системы ставка на всемерное развитие монокультуры хлопка способствовала разрушению складывавшихся и совершенствовавшихся веками традиционных структур и культуры земледелия и землепользования с учетом этнических, демографических и других особенностей. Это привело к таким крупным общественным потрясениям и утратам, как разрастающийся экологический кризис с эпицентром в Приаралье, водный кризис, люмпенизация сельского населения, а на этом фоне — повсеместное падение и раздвоение нравственности и морали.

При отсутствии рыночных инструментов сдержек и противовесов ставка на монокультуру хлопка привела к немислимым и чудовищным для рыночных экономик парадоксам, когда при производстве огромной массы сырья изделия легкой промышленности приходится ввозить: нет достаточно развитой современной перерабатывающей базы. А ведь нетрудно понять, что создание сети таких производств позволило бы в комплексе решить сразу целый ряд острейших проблем с обеспечением занятости, товарами первой необходимости и др.

Только по нефтегазовой промышленности в Туркмении, по цветной металлургии в Таджикистане, Узбекистане и Казахстане, по электроэнергетике в Кыргызстане и Узбекистане имеется положительное сальдо вывоза, продукцию остальных отраслей материального производства республики ввозят. В результате, например, Туркмения, несмотря на природные топливно-энергетические ресурсы, химическое и сельскохозяйственное сырье, не может сбалансировать бюджет и имеет на 1991 г. дефицит 2,5 млрд. рублей.

И без того сложное экономическое положение в республиках Средней Азии ухудшилось вследствие ослабления экономических связей между республиками, что привело к снижению производства по отдельным видам важнейшей продукции. Натурализация производства регионов, связанная с обесценением рубля, невыполнение договорных обязательств при развале старых экономических структур и отсутствия условий для замещения их новыми, рыночного типа — все это больше всего ударило по промышленно-отсталым хозяйствам среднеазиатского региона. В 1989 г. по сравнению с предыдущим годом сократился ввоз сюда ряда важнейших видов продукции, в том числе продуктов питания: муки, мяса, фруктов, овощей, молоко-продуктов и др., что заметно осложняло межреспубликанские и межнацно-

нальные отношения и в целом социально-экономическое положение внутри региона. В республиках вводится нормирование продуктов.

При сравнении развития республик Средней Азии и Казахстана с другими республиками Союза по уровню производства продукции на душу населения первые в настоящее время стоят на самых низких ступенях: по промышленной продукции — в 3,1—3,4 раза, по товарам народного потребления — в 5—8 раз, товарам культурно-бытового назначения - в 10-18 раз меньше, чем в республиках Прибалтики. Национальный доход Узбекистана и Таджикистана не превышает уровня Колумбии, Эквадора, Алжира, Перу. За 1970—1988 гг. зафиксировано абсолютное падение национального дохода на душу населения на 3-10% в Туркмении, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане (при росте в среднем по СССР на 13%, а в отдельных республиках — Белоруссии, Грузии, Азербайджане, Армении - на 29-54%, Литве, Молдавии, России, Украине- на 15-22%).

По данным исследований, произошло абсолютное падение уровня и качества жизни большинства населения в Средней Азии и в Казахстане. Концентрация в выражении его бедственного положения является средняя продолжительность жизни: она на 10 лет меньше, чем в целом по СССР; уровень детской смертности в отдельных районах (Приаралье, Хорезмская область) достигает 72 случаев на 1000 рожденных и даже по официальным данным составил в 1989 г. в Узбекистане 37,5, в Кыргызстане—31,0, в Таджикистане - 42,1, Туркмении - 54,4 (при среднем показателе по Союзу — 24 случая на 1000 рожденных).

За 1980—1986 гг. потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в Узбекистане упало с 31 до 29 кг., в Туркмении — с 44 до 43, в Таджикистане — с 32 до 31 кг. (при среднем потреблении по Союзу — 64 кг.); молока и молочных продуктов в Узбекистане- с 185 до 176 кг., Таджикистане—с 164 до 158 кг. Это крайне низкие показатели, особенно если учесть, что традиционно здесь было развито мясное и молочное животноводство, и в рационе питания населения всегда преобладали эти продукты. Еще один парадокс, вызванный всемерным развитием монокультуры и соответствующей политикой, обеспечивающей для этого необходимые условия любой ценой.

Население Средней Азии крайне неудовлетворительно обеспечено жилой площадью, низки и другие показатели социально-культурного развития. Так, в Туркмении обеспеченность населения республики жильем составляет 68% от среднесоюзного уровня, дошкольными учреждениями -58, больничными койками - 83%. Уровень санитарного и медицинского обслуживания, особенно в сельской местности, далек от элементарных цивилизованных норм.

II

Отсутствие высокоразвитой промышленности и соответствующей инфраструктуры ведет даже к увеличению уровня трудоизбыточного населения. По официальным данным, доля трудоспособных мужчин, не имеющих работы, в целом по республикам составляет 26-30%: в Узбекистане-4,6 млн. человек, Казахстане - 1 млн. человек, Таджикистане - 440 тыс., Кыргызстане - 320, Туркмении - 230 тыс. человек. Доля женщин, занятых в общественном производстве, особенно женщин коренной национальности, не превышает 30%.

Но следует внести коррективы в само понимание содержания термине «трудоизбыточное население». Нередко считают, что при необходимости из этого резерва можно привлекать работников для нужд производства. Однако эти возможности существенно ограничены ввиду плохой организации подготовки высококвалифицированных кадров. Поэтому в случаях про

изводственных запросов на предприятия направляются специалисты МЗ других регионов страны. Функциональные же учебные заведения, как правило, ориентированы на подготовку кадров для союзных предприятий и не учитывают национальную специфику при выборе и обучении профессиям. На этом примере хорошо видно, как административно-бюрократическая система постоянно не только создает узкие места и прочие искусственные проблемы, но и усугубляет их, доводит до крайности, до самых неразумных пределов. Об этом свидетельствует и другая крупная мера, связанная с общесоюзным планированием.

С начала 80-х годов стало проводиться так называемое организованное переселение из «трудоизбыточных регионов» в районы, где ощущался острый недостаток рабочей силы. Было предпринято переселение из Узбекистана в Нечерноземье (в Тверскую, Новгородскую области), из Туркмении в Амурскую область, активно проводился организованный набор рабочих и в других республиках.

Вопросы адаптации переселенцев в новых экологических условиях требуют тщательного изучения. Социологические и этнографические данные показывают, что переселенцы сталкиваются на новых местах не только с незнакомыми экологическими условиями, но и непривычным образом жизни (несмотря на пропаганду советского образа жизни), основанным на другом типе цивилизации и культуры. Местное население, как правило, мало информировано о других народах нашей страны, особенно тех, с которыми исторически не приходилось непосредственно встречаться. Представление у славянских народов о культуре и истории выходцев из Средней Азии довольно смутное. Срабатывает и инстинкт самосохранения: наиболее престижные рабочие места занимают местные жители. Переселенцы же выполняют обычно самые малооплачиваемые, непрестижные работы, иногда даже неприемлемые и с религиозной точки зрения (например на свиноферме). Отсюда различные конфликтные бытовые ситуации, а языковой барьер и психологические трудности общения («хороший» не поедет в дальние края!) затрудняют их благополучное разрешение.

Все это при неподготовленности большинства переселенцев к ведению хозяйства в непривычных для них суровых природных условиях приводит к тому, что, несмотря на подписанные контракты, огромные денежные расходы, они возвращаются на родину, усугубляя там неблагополучие и конфликтность, связанные с трудоизбыточностью. Проведенные исследования убеждают, что решение этой проблемы необходимо все же искать в своих республиках, на собственной земле, ломая отсталую сырьевую ориентацию экономики, создавая сеть новых производств и особенно перерабатывающую промышленность на местах, формируя жизнеспособную систему подготовки квалифицированных работников.

III

В последние годы наблюдается значительный рост национального самосознания народов Средней Азии, бурный интерес к истории своих народов, культуры, языка, быта, народных обычаев и обрядов. До недавнего времени, как известно, господствовала концепция оптимизации национально-культурных условий для развития новой исторической общности — советского народа. В рамках этого направления принижалось или нивелировалось изучение особенностей исторического, экономического и национального развития народов нашей страны. Школьное образование практически не давало широких представлений о жизни многочисленных народов страны, и даже так называемые национальные школы сообщали очень краткие сведения о народах, живущих на данной территории.

Мы больше привыкли мыслить стереотипами. Например, известно, *что* многие миллионы людей проживают за пределами своих национальных территорий. На территории Средней Азии примерно треть, а в Казахстане половина населения не является коренным или, вернее, не носит этнонима, сходного с названием республики. Но можно ли это считать аргументом в пользу возникновения новой исторической общности и говорит ли это о какой-то утрате национальной самобытности? Нет. Ведь никакого сплава различных культур, обычаев и т. п. здесь не наблюдается. Напротив, специфика национального сохраняется, а в тех отдельных случаях, где она утрачивается, там начинается оскудение духовной жизни и нравственности.

Один из аргументов социологов в пользу новой исторической общности - национально-смешанные браки. Но этот аргумент не выдерживает критики. В республиках Средней Азии четко прослеживается стремление к однонациональным бракам и даже в случае межнационального выбора партнера определяется принадлежностью к религиозной традиции — мусульманству. Да и число таких браков весьма невелико. По данным переписи населения 1989 г., от общего числа лиц указанной национальности в национально-смешанном браке состоят: туркмены — 9% мужчин, 3,9% женщин, киргизы — 6,9 мужчин и 6,1 женщин, казахи — 7,5 мужчин и 7,2 женщин, узбеки — 6,6 мужчин и 5,0 женщин, таджики — 12,9% мужчин и 11,5% женщин. Поэтому некий мифический образ жизни, присущий «новой исторической общности — советскому народу», не вписывается в реальную жизнь народов Средней Азии.

Рост национального самосознания сопровождается ростом сил, проповедующих национальное и религиозное возрождение, а нередко и национализм, религиозный фанатизм. Но процессы эти протекают крайне неравномерно: если в одних регионах возникают новые демократические и религиозные партии, то в других население совершенно лояльно к правящим структурам и не стремится противопоставлять им какие-то иные. В целом рост национального самосознания можно объяснить стремлением каждого народа сохранить свою самобытность и самостоятельно решать вопросы своего развития — экономического, политического, культурного, освободиться от жесткой бюрократической централизации и обосновывающей ее идеологии, прикрывающей свою авторитарную суть интернационалистской фразеологией. В связи с этим нельзя не отметить проявляющиеся симптомы неудовлетворенности государственно-административным делением, проведенным в 20-х годах, когда многие территории, обладавшие до образования СССР государственно-политической и социально-экономической целостностью, оказались разделенными республиканскими границами: территории Бухарского эмирата - между Узбекистаном, Туркменией, Таджикистаном; Хивинского ханства — между Узбекистаном, Каракалпакстаном, Туркменистаном и Казахстаном; Ко-кандского ханства — между Узбекистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном. Противоправная ликвидация национальной государственности народов проявлялась в разных сферах: переписи населения содержали сведения не по национальной принадлежности, а по государственной, исторические названия населенных пунктов, городов заменялись на новые, чаще содержащие имена Ленина, Сталина, других деятелей революционного движения, и даже колхозы и совхозы были в основном имени Калинина, Свердлова, Горького и т. п. К усилению национальной напряженности вели:

— политика массового переселения на вновь осваиваемые земли коренного населения, а также насильственная депортация немцев, корейцев, курдов, крымских татар, турок-месхетинцев;

- пренебрежение исторической памятью народов, навязывание мас-

совому сознанию абстрактных схем сближения народов вместо четкой постановки и решения многочисленных национальных проблем;

- игнорирование запросов развития малочисленных народов.

Все это вкупе с застарелой нерешенностью неотложных социальных проблем, хищническим отношением к природным ресурсам и подрывом условий существования людей в апологически неблагоприятных зонах болезненно задевало национальное сознание и подогревало национальные чувства.

IV

Демократически настроенная часть общества в республиках объединяется в народные фронты, в демократические партии- «Бирлик», «Агаы Бирлик», «Растахез» и др. Однако путь демократизации тернист, на местах создаются различные препятствия к легализации и регистрации партий. Как сообщили газеты в январе 1991 г., наконец-то демократы Туркмении вышли из подполья. В Ашхабаде состоялась учредительная конференция, на которой было провозглашено создание Демократической партии Туркменистана. Численность партии — более 1,2 тыс. человек. Из выступлений делегатов на конференции следовало, что это будет партия парламентского типа, но пока, дабы не оказаться в положении «анти-народных элементов», руководство партии не спешит регистрировать ее в Верховном Совете республики, где необходимо одобрение двух третей депутатов. Продолжают оставаться весьма натянутыми взаимоотношения вновь образованных партий с властями и в Узбекистане. Как признают некоторые представители этих партий, возникшие общественно-политические организации не имеют возможности осуществлять свои программы обновления общества ввиду запретов и мощного противодействия государственно-партийных структур, у представителей которых в ходу такой, к примеру, тезис: в Узбекистане может быть только одна реальная политическая сила — правящая партия. Получила распространение по неофициальным каналам вполне официальная версия о том, что создание новых партий или организаций разделит слуг Аллаха на соперничающие группировки и повредит исламу. В целях контроля за любыми общественно-политическими организациями Верховный Совет принял постановление, согласно которому республиканские отделения международных и общесоюзных организаций и партий, зарегистрированных, например, в Москве, должны пройти регистрацию в Узбекистане.

Учитывая роль средств массовой информации в демократизации общества, консервативные силы препятствуют организации новых независимых газет, трансляции программ телевидения России. В Туркмении первый номер (900 экз.) независимой газеты «Туркмен или» («Туркменский народ») стал и последним, несмотря на ранее объявленный тираж в соответствии с союзным законом о печати. "Союзпечать" республики отказалась распространять такие независимые коммерческие издания, как «КоммерсантЪ», «Московские новости», «Мегаполис-экспресс» и др., мотивируя это тем, что обилие новой прессы мешает торговле официальными изданиями, которые тем не менее в немалом количестве скапливаются на складах невостребованными.

В то же время нельзя не видеть и того, что под воздействием процессов демократизации и пробуждения национального сознания, а также груза обнажившихся и обострившихся в этих условиях застарелых, но тщательно маскируемых прежде проблем начинают претерпевать определенные изменения официальная идеология и политика. Процесс этот часто непоследователен, но и отдельные положительные сдвиги здесь налицо. К ним относятся меры по приватизации мелкой собственности.

по социальной защите некоторых слоев населения. Очевидны процессы либерализации отношения к религии, ко многим, связанным с ней обрядам и обычаям, распространенным в народе.

В большей степени процессы демократизации и обновления общественной жизни продвинуты, по-видимому, в Кыргызстане. Это единственная республика в регионе, которая не имеет в названии термина «социалистическая», а президент не являлся одновременно лидером компартии. Процессы разделения государственной и партийной власти, без которых немислима последовательная демократизация, поддерживаются депутатами всех уровней. Кабинет министров и областные структуры включают представителей новых партий, которые подбираются по критерию профессионализма и компетентности. В целом в республике созданы благоприятные возможности для возникновения и деятельности различных партий и национально-культурных центров. Не случайно именно в Бишкеке проводилась первая представительная конференция демократических партий и движений Средней Азии и Казахстана.

V

Народы Средней Азии и Казахстана традиционно исповедуют ислам суннитского направления, хотя среди них есть и небольшая часть шиитов и исмаилитов. Но независимо от исповедания все они ощущают себя прежде всего мусульманами, и в этом смысле — единым народом. Поскольку, согласно исламской идеологии, между мусульманами не делается никаких различий по национальному признаку, в народном сознании произошло отождествление религиозного и национального. Конечно, религиозные, политические и социально-экономические условия проживания вносят свои коррективы в образ жизни людей, но все же характер и содержание образа жизни народов Средней Азии во многом определяются Кораном, шариатом — религиозным законодательством, различными преданиями о жизни Пророка и его сподвижников. Легкость и простота в принятии ислама, скромность храмов, утверждение нравственных норм в заповедях, осознание каждым себя членом единой общины с активным образом жизни, высокий статус родственных связей, прочность внедрения обрядов посредством бытовых стереотипов — все это придает большую устойчивость религии в народном сознании.

До недавнего времени соблюдение многих обычаев и обрядов, даже тех, которые не являются религиозными, не поощрялось коммунистическим руководством, преследовалось властями. Не строилось новых мечетей, а старые приходили в запустение и разрушались. Тем не менее этнографические исследования показывают, что, несмотря ни на какие запреты, народы Средней Азии и Казахстана соблюдали свадебные, родильные, погребальные обряды в соответствии с традициями предков: участие в религиозных праздниках считается национальной традицией. Социологи оперируют различными процентами участия в тех или иных обрядах, но этнографы знают, что практически все население принимает участие в мусульманских или народных обрядах и праздниках, и на вопрос о мотивах этого обычно получают ответ: это национальная (религиозная) традиция. Межпоколенная трансмиссия мусульманских традиций в среднеазиатском обществе чрезвычайно сильна.

Цифры регистрации мусульманских общин мало что говорят о распространении религии, более того, дают, скорее, искаженную картину этих процессов в духовной сфере, так как и не будучи зарегистрированными в качестве религиозной общины, мусульмане, проживающий в том или ином населенном пункте, в повседневной жизни следуют канонам и традициям, принятым здесь испокон веков. До недавнего времени в Аш-

хабаде не было ни одной мечети (на базе мечети организуется мусульманская община), но в качестве соборной мечети использовался обширный двор одного из прихожан. Кроме того, в исламе нет иерархии, и любой верующий, зная Коран, может стать имамом, предстоятелем: но даже не будучи имамом, любой мусульманин может произносить проповеди.

Реанимация влияния ислама на все стороны жизни среднеазиатских народов — характерная особенность и в то же время один из самых серьезных идеологических и политических факторов, определяющих тенденции развития, будущее этого региона. Последние годы отмечены такими новыми явлениями, как строительство мечетей, организация паломничества в Мекку, восстановление местных святынь, создание духовных школ и партий исламского возрождения.

Но важно видеть и те глубинные процессы, которые происходят в массовом сознании. Здесь необходимо обратить внимание прежде всего на два качественно различных и как бы разнонаправленных движения. С одной стороны, рост религиозного сознания выступает естественной предпосылкой быстрого возрождения национальных чувств и мироощущения, которые, сталкиваясь с всевозможными ограничениями, превратностями, накопившимися проблемами и противоречиями (о них шла речь выше), становятся благодатной почвой для национального эгоцентризма и весьма эмоциональных конфликтов национально-религиозного характера.

С другой стороны, начинают набирать силу естественно образующиеся на базе этой религии идеи панисламизма и пантюркизма; исследователи отмечают воздействие на сознание мусульман Средней Азии идеи о том, что они — часть мировой мусульманской общины.

VI

В последнее время настойчивыми становятся призывы к восстановлению исторической правды о «добровольном вхождении» народов Средней Азии и Казахстана в состав России. Этот демократический процесс имеет важное значение с точки зрения исторической памяти народов, восстановления в ней единства их многовековой истории. В то же время нельзя не видеть, что религиозные мотивы, идеи панисламизма и пантюркизма вносят сюда и некоторое новое, пока еще слабо учитываемое официальной идеологией и политикой содержание.

В результате политических договоров в 90-х годах XIX в. с Ираном и Афганистаном (не без усилий со стороны Англии) туркмены, узбеки, таджики и некоторые другие народы оказались по обе стороны государственной границы Российской империи. Однако разделенные народы сохранили хозяйственную, этногенетическую, духовную, языковую близость. Статистика Ирана и Афганистана не приводит точных сведений о численности этих народов, но косвенные данные сообщают, что туркмен и сопредельных странах около 2 млн., узбеков свыше 2-х, а таджиков около 4 млн. человек. Сами эти народы, несмотря на разделенность, воспринимают себя как единое целое, так как нередко по разные стороны границ оказывались члены одного племени и даже рода.

Официальная наука, идеология, политика стоят перед необходимостью серьезно и всесторонне осмыслить и оценить такую достаточно уникальную для нашей страны ситуацию, когда вдоль южных границ народы разъединены, но сохраняют национальное и религиозное единство, и при этом идеи их воссоединения реанимируются (большую активность в этом отношении проявляет «Исламский Союз северных провинций Афганистана» ИССПА). Подобные идеи выдвигались в разные исторические периоды. Они согласуются с мусульманской идеологией, которая учит, что

не могут быть разделены народы по этническому принципу, все мусульмане - одна община (умма) независимо от страны проживания.

Нельзя не видеть, что принятые в республиках Средней Азии законы о языке, о государственном суверенитете активизировали деятельность ИССПА и других организаций, призывающих к созданию единого Исламского государства с включением в него мусульман Средней Азии. В то же время эти законодательные акты послужили как бы катализатором для национальных выступлений узбеков, таджиков, туркмен на севере Афганистана против политики пуштунизации.

* * *

Этнологические и политические прогнозы показывают, что национальная идея, идеи панисламизации и пантюркизации будут укреплять свои позиции в массовом и национальном сознании. Задача состоит не в борьбе с ними (такая борьба бесполезна и будет приводить лишь к обратным результатам), а в придании им цивилизованных форм и содержания прежде всего через соединение с общечеловеческими идеями и ценностями. в том числе и теми, которые содержатся в исламе. А это требует не только дальнейших шагов по демократизации общественной жизни, ведь такие шаги нередко носят противоречивый и непоследовательный характер, что мы видим и в Союзе в целом, и в среднеазиатском регионе в частности. Проблема упирается в те основания — идеологические, мировоззренческие, философские,—из которых вырастают непоследовательная политика и противоречивая практика и которые стереотипизировали в догматизировали сознание. Старая идеология и философия изменяются крайне медленно. В последнее время блокируется творческое завоевание нового мышления — обоснование приоритетности общечеловеческих ценностей.

Особый вопрос — отношение к религии, тем более если она имеет такие глубокие и живительные корни, как ислам. Не может быть честной и последовательной политика, прокламирующая создание благоприятных условий для религиозной жизни, если она формируется на таких мировоззренческих и методологических принципах, в которые органично вплетены прямолинейный атеизм и узкий взгляд на религию как «опиум народа». Такая философия, хотя и воспринимается более развитым массовым сознанием под сильным пропагандистским давлением, но воспринимается весьма однобоко и лишь внешним образом, формально, догматически, неубежденно. Отсюда парадоксы двойственного сознания. В конечном же итоге эти принципы и идеи не могут быть усвоены на национально-религиозной почве и отторгаются сознанием, когда последняя начинает укрепляться.

Идеология и философия должны не маскировать свое отношение к религии, изворачиваясь в словесной эквилибристике, а сделать решительный шаг навстречу исламу, христианству, как и всем прочим конфессиям. видя в них прежде всего средоточие мировых духовных ценностей, программы и регуляторы нравственного оздоровления народной жизни. Думаю, что этот путь может привести к разрешению клубка острых противоречий в среднеазиатском обществе, дать простор тенденциям, отвечающим действительным интересам народа.